

ВЕСТНИК

СВЯЩЕННОГО СИНОДА

ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В С.С.С.Р.

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходит один раз в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, 10, Самотека, 2 Троицкий пер., д. № 6,
Троицкое подворье,
Редакция «Вестника Синода».

№ 6 (29)

1928 год.

ПОДПИСКА на 1928 год продолжается.

Подписная цена на 10 №№—6 руб.,
за 5 №№—3 руб.

Цена отдельного № — 75 коп.

Двойного — 1 р. 50 к.

Наложенным платежом журнал высылается на
сумму не менее 3 рублей.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Первое заседание Второго Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. Под редакцией Митрополита Александра Введенского.
2. Сущность обновленчества, его история и будущее. Профессора—Епископа Константина Смирнова.
3. О церковно-богослужебном и внебогослужебном употреблении псалмов. Прот. Е. Запольского.
4. Первые страницы обновления. Епископа Николая Русанова.

Первое заседание Всероссийского Поместного Священного Собора Православной Церкви.

Среда, 2-го мая 1923 года.

Заседание открывается Высокопреосвященнейшим Антонином, Митрополитом Московским и всея России, в 7 час. 50 минут вечера.

Члены Собора, по предложению Митрополита Антонина, поют молитвы: «Христос Воскресе» и «Днесь благодать Св. Духа».

Митрополит Антонин. Благодатью Св. Духа объявляется первое деловое заседание Второго Поместного Всероссийского Собора Православной Церкви открытым.

Таким образом, нам надлежит вступить к деланию Божьего дела. Для того, чтобы Собор мог действовать, надо создать технический аппарат, и потому надлежит сразу же избрать Председателя Собора и другие содействующие ему органы.

Итак, предлагаю Священному Собору приступить к избранию Председателя своего.

А. И. Новиков. (Управл. делами В. Ц. У.). От имени объединенных делегатов с мест на Второй Всероссийский Поместный Собор, принадлежащих к трем обновленческим группам: «Живая Церковь», «Союз Общин Древле-Апостольской Церкви» и «Союз Церковного Возрождения» в Председатели Собора предлагается Его Высокопреосвященство Митрополит всея Сибири Петр (голоса: просим).

Почетным Председателем Собора предлагается от объединения всех обновленческих групп настоящего Второго Поместного Всероссийского Собора высокопреосвященнейший Митрополит Московский и всея России Антонин (голоса: просим).

Митрополит Антонин. Благодарю делегатов Второго Всероссийского Поместного Собора за оказанную мне честь. В настоящий день я чувствую исполнение тех надежд, которыми жил еще с 1905 г. Не случайно я совершенно отсутствовал на Соборе 1918 г., психологически, органически мне несродном. И провиденциально Господь даровал мне открыть в Храме Христа Спасителя настоящий Собор, а сегодня от вас, пастырей и архиереев, воспринять честь председательства, ибо нашему Собору предстоит решить исторической важности вопрос. Мы жизнью страны нашей поднялись на перевал, откуда открываются бесконечные дали ожидания. Доселе наша православная Церковь не только относилась с осторожностью, но, в лице верхов ее, относилась с напряженным сопротивлением действительному напору жизни. Мы берем на себя, обновленческие группы взяли на себя смелость выявить моральное сочувствие повороту быта и уклада жизни. Мы взяли на себя дерзновение подвести Церковь русскую и предложить ей благословить новый уклад гражданственности и социального быта нашей страны.

И в вашем доверии, в вашем избрании я черпаю для себя нравственное удовлетворение, что точка зрения, взятая обновленческим течением, вами оценена и что мы от старого отошли, поворота назад нет.

Да пошлет же Господь нам силы разрешить предлежащие нам вопросы.

Митрополит Петр. На повестке сегодняшнего дня стоит утверждение регламента и выборы Президиума, дополнительно к Председателю. Я прошу зачитать. Дело в том, что Президиум Собора намечен на объединенном заседании всех обновленческих группировок.

А. И. Новиков. На объединенном заседании всех обновленческих групп принят и утвержден и предлагается на утверждение настоящего общего пленарного заседания Собора следующее:

Члены работающего Президиума активно: прот. Вл. Дм. Красницкий (голоса: просим, аплодисменты с мест Членов группы Живая Церковь).

Митрополит Петр. Разрешите заявить, что здесь происходит заседание Священного Собора и решительно предлагается вам никаких оваций не делать (голоса: правильно).

А. И. Новиков. Прот. Ал. Ив. Введенский (голоса: просим); Арх. Петр Воронежский (голоса: просим); Епископ Александр Введенский (голоса: где?).

Митрополит Петр. Епископ Александр Введенский, пожалуйста. Александр Введенский¹⁾ есть один из видных деятелей по проведению принципов Живой Церкви в Сибири (голоса: просим).

А. И. Новиков. Прот. Ал. Ив. Боярский (голоса: просим); Прот. Дм. Соловьев (голоса: просим); Прот. Алекс. Дьяконов (голоса: просим); Прот. Адамов (голоса: просим); Прот. Адамов (голоса: просим); Прот. церкви г. Москвы, магистр богословия Добронравов (голоса: просим); Прот. Вл. Шаповалов (голоса: просим); Мирянин Новиков (голоса: просим); Профессор Киевской Духовной Академии Белоликов (голоса: просим); Мирянин Павлов (голоса: просим, откуда?).

Митрополит Петр. Павлов есть деятель на переломе из Сибири в Россию, деятель по проведению принципов из-за Урала и дальше к пределам Москвы.

А. И. Новиков. Добров протод. (голоса: просим); Прот. Красотин из Ярославля (голоса: просим).

Митрополит Петр. Деловой Президиум закончен.

А. И. Новиков. От группы Возрождения, согласно состоявшегося мнения, предлагается прот. Троицкий из Челябинска (голоса: просим).

Еще один прот. Украины, управляющий делом Харьковского церковного обновления. — Борис Дикарев (голоса: просим).

Митрополит Петр. Деловой Президиум утверждает? (голоса: утверждает, просим).

Сейчас зачитан будет список почетных Членов Президиума.

А. И. Новиков. Обьединенное собрание обновленческих групп предлагает избрать следующих лиц:

Тихона, Митроп. Киевского (голоса: просим); Николая, Митроп. Харьковского (голоса: просим); Вениамина, Арх. Рязан-

¹⁾ Однофамилец прот. А. Введенского.

ского (голоса: просим); Проф. Акад. Н. Боголюбского (голоса: просим); Филевского, прот. Украины (голоса: просим); прот. проф. Попова (голоса: просим); прот. П. Раевского (голоса: просим); гражд. Вл. Львова (голоса: просим); Ал. Ив. Покровского (голоса: просим); гражд. Захаржевского, представителя Украины (голоса: просим); гражд. Нутрихина, представителя Петрограда (голоса: просим).

Митрополит Петр. Итак, избрание делового Президиума закончено, зачитанный список почетных Членов Собора вами утвержден. Сейчас переходим к чтению приветственных телеграмм (голоса: а секретаря?) Деловой Президиум сам выбирает из своей среды дополнительных лиц. Сейчас зачитывается регламент Собора.

А. И. Новиков. Читает:

РЕГЛАМЕНТ.

Заседания 2-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви 1923 года.

1. Заседания Собора открываются и оканчиваются молитвой.
2. Докладчики по вопросам на повестке выдвигаются Президиумом Собора.
3. Докладчики имеют время, неограниченное для доклада, докладчики 20 мин., ораторы по докладам 15 мин. Заключительное слово докладчику 30 мин.
4. В порядке прений ораторам предоставляется слово по каждому докладу не более двух раз: первый раз 15 минут и второй раз 5 мин.
5. По вносимым предложениям предоставляется слово двум ораторам: одному за и другому против.
6. Члены Собора, желающие высказаться по докладам, подают в Президиум записку с обозначением имени, фамилии и епархии, которую данное лицо представляет.
7. Все Члены Собора имеют равное право голоса. Каждый Член Собора пользуется только одним голосом.
8. Никаких заявлений в устной форме, а равно знаков одобрения или неодобрения — не допускается.
9. Собор имеет суждение по тем вопросам, которые значатся на повестке работ Собора, утвержденные В. Ц. У., и на обсуждение которых получено разрешение от государств. власти.
10. Голосование производится на Соборе открытой подачей голосов.
11. Нарушение регламента Членами Собора может повлечь за собой по решению Президиума Собора исключение из деловых Собраний не более, чем на три заседания.

Митрополит Петр. Утверждается регламент? (голоса: утверждается, позвольте слово). Сейчас только зачитаем, что кто желает сделать заявление, должен подать в Президиум записку.

(Голоса: разрешите слово по поводу регламента). Принят? Разрешите проголосовать. Поднимите руки. Опустите руки. Кто против? — Один. Воздержавшихся? — 14.

Итак, подавляющим большинством регламент принят.

Для того, чтобы привести в порядок подачу голосов, необходимо избрать счетчиков.

А. И. Новиков. Предлагаю избрать Президиум счетчиков из своей среды (голоса: просим).

Митрополит Петр. Сейчас зачитан будет порядок дня Собора.

А. И. Новиков. Высшим Церковным Управлением разработан, государственной Властью разрешен Собор по повестке следующей рабочей дня:

- I. Открытие Собора, выборы Президиума, приветствия.
- II. Доклад о Православной Церкви, отношение к Власти, патриарх Тихон.
- III. О белом епископате и второбрачии духовенства.
- IV. О мощах.
- V. Вопрос о монашестве.
- VI. О календаре.
- VII. Форма администрат. управления Церкви.
- VIII. Выборы Всероссийск. Центр. органа управления Правосл. Церкви.
- IX. Информационные доклады представителей всех обновленческих групп.
- X. Текущие дела.

Митрополит Петр. Настоящий порядок Собора Члены настоящего собора принимают? (голоса: полностью). Первый вопрос на очереди: будут зачитаны приветственные телеграммы.

А. И. Новиков. В 12 ч. сегодняшнего дня Высшим Церковным Управлением получено 42 телеграфных приветствия из различных концов России. (Голоса: из-за границы?) Нет, не имеется.

Оглашаются телеграммы.

Митрополит Петр. Поступило заявление напечатать телеграммы в протоколах и сейчас прекратить их чтение (голоса: просим).

В порядке очереди представляется о. прот. Красницкому ответственное слово.

Прот. В. Д. Красницкий. От имени группы православного белого духовенства и мирян «Живая Церковь», с особым чувством полного удовлетворения, имею честь приветствовать настоящий Священный Собор. Божиим Промыслом настоящее заседание Собора, первое деловое собрание его, совершается в день нашего годового праздника, в тот день, когда родилась группа «Живая Церковь». В этот день, глубокой ночью несколько православных священников подписали обращение ко всему верующему православному народу о необходимости изменения церковной политики и суда над виновниками церковной разрухи. И вот, в настоящее время, через год, что казалось несбыточной мечтой, совершается. И в этом мы видим Божественную милость и благословение, явленные на этот священный почин.

Наша группа с особым восторгом и утешением приветствует настоящий Собор, так как видит в нем исполнение своих надежд. В течение этого года в исключительных трудностях наша группа вынесла идею Собора. Ей принадлежит почин Собора, ею внесено в Высшее Церковное Управление предложение созыва настоящего Собора в день 12-го сентября 1922 г., ей принадлежит и план созыва Собора и вопросы, выставленные ею с самых первых моментов ее существования, становятся на разрешение Собора. Это знаменует то, что группой нашей был взят верный курс в церковных делах. После Тихона, видя страшную опасность для верующего народа и духовенства, наша группа обратилась к чувству пастырского сознания рядового духовенства, к чувству рядового верующего народа. Эта надежда, эта наша мечта, этот план в полном смысле увенчан успехом настоящим священным днем. В течение всего пережитого времени наша линия была определенно и неизменно революционна. Соблюдая неизменно основы православной веры, единство Церкви, догматов, открыто, искренне и всемерно воспринимая великое дело социальной революции, вполне признавая справедливость социального вопроса и подходя к этому великому делу по своим мотивам религиозным, — мы все время держали этот курс, и жизнь нас вполне оправдала. Настоящий Собор возглавляется первым русским епископом нашей группы и руководится нашей группой. И потому, от имени Центрального Комитета, приветствую настоящий Собор, выражаю искреннюю надежду, чтобы и в тех местах, где недостаточно ясно видна была наша цель, чтобы она проникла туда, охватила всю Россию и сплотила весь верующий народ. Чтобы создавались в Церкви новые нравы, подлинно братские отношения. И новая, действительно подлинная церковная свобода выявления настоящей широты христианского сердца, мы глубоко верим, привлечет к нам ушедших и отступивших от наших пределов. Твердо идя на всякие жертвы ради церковного единства, мы надеемся на Божественные милости, явленные нашей Церковью.

Митрополит Петр. Слово приветствия предоставляет о. прот. Введенскому.

Прот. А. И. Введенский. Я имею неизреченную радость с внутренним трепетом приветствовать настоящий Священный Собор.

У нас здесь не простое собрание. Каждый верующий знает, что на Соборе невидимо, но действительно присутствует Сам Дух Святой. Не даром на первом Соборе Церкви в далекие апостольские времена была выработана та формула, которая с той поры всегда открывает соборное действо: «изволися Святому Духу и нам».

Приветствуя настоящий Собор, я с трепетом говорю сейчас пред лицом непостижимого Божества, открывавшегося сейчас перед вами.

Я полагаю, что настоящий Собор нашими слабыми человеческими силами начнет решать ту великую, ту несказанно прекрасную и до сих пор неразрешенную задачу, которую должна осуществить Церковь Христова. Церковь Христова — это Царство Божие, явленные миру, братство, равенство, любовь, благословенный, благодатный труд. Вот понятия, которые неразрывно связаны с понятием святой православной Церкви.

Между тем, мы знаем, что до сих пор в мире так много скорби, знаем, что в мире так много неправды. С глубокой скорбью сознаешь, что и верующие виноваты в этой неправде, и они своей жизнью бесславили имя Отца Небесного.

Мы будем завтра пространно, с мучительной болью, для того, что бы исцелить — обнажать язвы церковной жизни. Мы увидим всю ту неправду, весь тот религиозный ужас, которые переживала Церковь эти последние пять лет.

Да, религиозный ужас, — вот то слово, которое само собой вырывается из уст, когда задумываешься над судьбами Церкви за последние пять лет.

Пять лет тому назад, в далеком, холодном Петрограде, в суровый октябрьский день, когда, помню, ревел над городом ураган, несшийся с незамерзшего Балтийского моря, в революционном урагане загорелась новая жизнь. Солнце социальной правды засветилось в великий день 25-го октября над всем миром.

В самом деле, мы с вами люди верующие, православные, непартийные, мы ведь не можем не согласиться; если будем говорить по своей христианской совести, что те начала всеобщего равенства, братства, благословенного труда, которые положены в основу октябрьского переворота, — наши родные, написанные на золотых страницах Евангелия.

Мир распался на два стана: гордые и могучие, сильные, жадные, жирные, бессердечные царят над миром. В самом деле, сотня — другая капиталистов управляет всем миром. Они являются нам невенчанными царями на троне, воздвигнутом золотыми рублями. И эти золотые рубли были вычеканены в той кузнице человеческого горя, человеческой эксплуатации, которая называется социальным неравенством. Миру когда-то Христос Господь сказал: «Все вы братья». Мир услышал и сказал: верю. И где же потом было это братство? И вот тогда пришли другие и сказали: давайте в самом деле быть братьями.

Октябрьская революция государственными методами осуществляет, как умеет, Евангельские социальные идеалы. Казалось бы, Церкви надлежало сказать тогда — да, это наше, родное, вы, неверующие, творцы мировой революции, — мы верующие, но дело великой человеческой правды, дело добра, дело равенства — наше дело. Церковь отвернулась, прокляла, сказала (я завтра буду читать документы), что нет правды в нем, что правда — в самодержавии. Я рву преступные одежды, которые набрасывали ответственные вожди на святую нашу Церковь.

И началась великая борьба между людьми, которые на словах провозглашают идеалы вечной правды, всеобщего равенства, и между теми людьми, которые от слов перешли к делу.

Да, здесь, в Москве, на первом Соборе прозвучала анафема на весь мир тем, которые сказали — давайте всерьез быть братьями. Было предложено называть этих людей — это стенограмма Собора, — сатанистами: в 13-й гл. I посл. к Коринфянам сказано: «отныне пребывают три сии: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше». Пришли люди и сказали — давайте любить не словом, а делом, и Церковь, устами лучших своих людей, сказала — анафема, сатанисты. И пошла эта борьба — длинная, мучительная, жуткая, страшная...

И вдруг, после того, как в течение четырех слишком лет церковные люди молчали, когда на глазах Церкви творилась эта неправда, — вдруг вспыхнуло благословенным солнцем, вспыхнуло то движение, которое называется обновленческим, которое сегодня со всех концов великой родины слетелось сюда, чтобы сказать слово правды.

Как это вышло? Это вышло потому, что стихийным процессом обнаружилось своим нравственным убожеством, наготой, лицо официальной тихоновской церковности.

Да, тогда, когда на берегах Поволжья стали люди умирать в несказанных страданиях голода, когда матери ели детей своих, когда мать выводила девочку или мальчика и бросала где-то в снежном поле, тогда Церковь не пожалела их, не сорвала последнего, что имела — рубашку своего милосердия, а сказала: голод свалит большевиков, чем хуже, тем лучше.

И вот, тогда отвернулись, пошли прочь епископы, священники, рядовые миряне от этих вождей Церкви. Вышли люди, которые захотели, чтобы правда Божия, всех покрывающая, не была затемнена безумием контр-революционных вождей.

Так родилось наше движение, так возникла новая чудесная страница в церковной жизни. Прошел год, мучительный год, когда хотели наше движение побить камнями, утопить в том океане неслыханной клеветы, которая заливала светящуюся истину. Но правда Божия в немощи совершается. Здесь мы не партийный съезд, не кучка захватчиков, а избранные сыны, по молитве стеклись сюда. Знаем сами — здесь Святой Дух, ибо здесь — Собор Церкви.

Вот то чувство, которое волнует сейчас меня, как одного из немощнейших, волнует моих братьев, Членов Союза Общин Древле-Апостольской Церкви, которые, вопреки всему тому, что говорят люди, не еретики, православные, но которые болеют, чтобы это православие правильно понималось.

Да будут благословенны все те, которые своими молитвами, своею скорбью, своими слезами, постоянно пред Господом возжигали тот огонь, который горит сейчас в сердцах лучших сынов Православной Церкви, среди участников этого Собора, собравшего нас с вами видимым благословением невидимой Св. Троицы.

Но вместе с тем, я со словом благоговейного приветствия обращаю свой взор, по поручению членов моей группы и Высшего Церковного Управления, и хочу предложить настоящему высокому Собранию обратиться со словом глубокой благодарности и приветствия государству, которое, вопреки инсинуациям зарубежной прессы, не гонит Церковь. Великий декрет об отделении Церкви от государства есть благо религиозное, в нем нет гонения на Церковь.

Сейчас, перед лицом настоящего Собора и всех, кто прислушивается к его мнению, *определенно заявляю, что в России религия не гонится*, — все могут свободно исповедывать свои религиозные убеждения, что страдают не за веру Христову, а за свои контр-революционные политические убеждения. В антирелигиозной пропаганде мы не можем видеть гонения на веру. Мы свободно чтим то, что для нас свято, — они не хотят этого чтить. Однако, мы можем строить церковное дело, но без контр-революции, а так, как учил нас Христос.

И Собор, разорвавший со всеми этими контр-революционными идеями, Собор построит свою чистую религиозную жизнь и, конечно, никто нам в этом не помешает.

Вот почему я полагаю бы нашим нравственным долгом обратиться к ВЦИК со словом благодарности за то, что мы собрались, за то, что мы здесь можем работать. Пошлем им наше слово горячего приветия, потому что эта власть — единственная власть в мировом масштабе от слов перешла к делу, которая не веруя, творит дело любви, которого, веруя, мы не исполняем...

Когда я читаю бюллетени о здоровье Ленина, я с трепетом читаю их. Он сконцентрировал надежды всех трудящихся, и думаю, для церковных людей он дорог, ибо мы — тоже граждане великой республики.

Молитвенно пожелать ему скорейшего выздоровления, будет тем словом братской любви, которое будет не словом манифестации, а искренним выражением чувств многих лиц.

Я предлагаю такое приветствие:

«Собор русской Православной Церкви 1923 г., открывая свои работы, шлет свою благодарность ВЦИК за разрешение собраться избранным сынам Церкви для обсуждения назревших вопросов. Вместе с этой благодарностью, Собор шлет свое приветствие верховному органу Рабоче-Крестьянской власти и его главе, мировому вождю рабочих и трудовых масс, Владимиру Ильичу Ленину. Великий октябрьский переворот государственными методами проводит в жизнь великие начала равенства и труда, имеющиеся в Христовом учении. Во всем мире сильные дают слабым. Только в Советской России началась борьба против этой социальной неправды. Собор полагает, что каждый честный христианин должен активно встать среди этих борцов за человеческую правду, всемерно проводить в жизнь великие лозунги октябрьской революции. Владимиру Ильичу Собор желает скорейшего выздоровления, чтобы он снова встал активно во главе армии борцов за великую социальную правду».

На этом я кончаю свою приветственную речь.

Митрополит Петр. Желательно принять? (голоса: просим).

Слово приветствия от Москвы предоставляется Митрополиту Антонину.

Митрополит Антонин. Москва — сердце России. И я, в качестве представителя Московского Епархиального Управления, кланяюсь Второму Поместному Всероссийскому Церковному Собору.

Прошлый Собор 1918 г. также заседал в Москве, но в то время сердце Москвы было поражено склерозом, и весь Собор поэтому прошел, работою своею не оказав значительного влияния ни на церковную, ни на общественную жизнь, прошел почти незамеченным.

Настоящий час дерзаю выразить от имени Москвы упование, что настоящий Собор освежит кровообращение не только самой Москвы, но и во всем духовном организме России и что наш голос и авторитет Поместного Собора оживит и духовную мысль и духовную энергию и затеплит сердца всех верующих сочувствием к строительству жизни на благо им.

Митрополит Петр. Представлено письмо от Совета Епископов Методистской Епископальной Церкви.

Прот. А. И. Введенский. Епископ Блэйк, прибывший из Парижа.

А. И. Новиков. (Оглашает письмо). «Ваше сообщение, направленное уважаемому Епископу Джон Луис Нюльсону, было передано им Епископам Методистской Епископальной Церкви в их полугодовом съезде, состоявшемся в Балтиморе, Мариленд, Соединенных Штатов Америки, 14-го ноября 1922 г. Как секретарю Совета (Епископов) мне было поручено передать вам Христово приветствие и высокую признательность членов Совета.

Ваше письменное сообщение, совместно с докладом нашего возлюбленного коллеги Епископа Ньюльсена, было весьма тщательно обсуждено. Мы глубоко тронуты постановлением вашей уважаемой организации, и в ответ на ваше приглашение, избрали Епископов Методистско-Епископальной Церкви, находящихся в Европе — Епископа Джон Л. Ньюльсена, из Цюриха, Швейцария, Епископа Антона Баст, из Копенгагена, Дания и Епископа Эдгара Блэйк из Парижа, — Франция — быть нашими официальными представителями на Соборе, предназначенном собраться в Москве 10 февраля 1923 года.

Мы молимся, чтобы всемилостивый Бог даровал вам свое присутствие и благословение и всем нациям мира — Свое руководство в это смутное время, чтобы, в конце-концов, Царство Его осуществилось повсюду.

Имею честь быть по постановлению в лице Епископов Методистской Епископальной Церкви, секретарь Лютер Б. Вильсон».

Члены Собора встают и поют «ис полла ети деспота» епископу Блэйку.

Митрополит Петр. Речь, которую будет говорить епископ Блэйк, будут переводить.

Перевод речи Епископа Блэйка ¹⁾.

Преподобные отцы и братья!

Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

От имени Епископов Методистской Епископальной Церкви Америки приветствую вас, как служителей Христа, Которому мы принадлежим и служим. Я приношу перед вами благословения и приветствия от всех членов Методистской Епископальной Церкви Америки.

Председатель! Для меня это большое затруднение говорить вам на языке, который вы могли бы понимать и я могу говорить вам только через моего друга.

Несмотря на то, что я не говорю на вашем языке, я чувствую себя дома, имея Одного Бога, Который является Отцом нас всех. Мы являемся сынами единого Спасителя нашего Иисуса Христа. Тот же дух, который в вас — и в нас говорит о том, что мы чады Божии. Мы имеем те же надежды, те же задачи, чтобы привести мир к Царству Божию. В этих возвышенных целях мы едины, в этих возвышенных духовных целях мы объединены между собою и с Богом. Несмотря на те различия языка и состояния, — для этих целей мы чувствуем себя едиными.

Я желаю, чтобы настал, и, надеюсь, что настанет тот день, когда все те, которые носят имя Христа, объединятся и преклонятся пред Ним — Единым.

Мы переживаем очень трудные времена во всем мире. За последние времена пережили самый величайший катаклизм, который известен в истории мира. Мы видели, как древние учреждения и организации пали, мы видели, как многое то, что считалось существенным, было потоплено и то, что считалось утвердившимся, сегодня никем не признается. Многие думали, что среди этого общего разрушения и хаоса, цивилизация поставлена на гибель. Я не знаю, как обстоит дело в России, но в Америке чувствуются ноты пессимизма и отчаяния, и там есть люди, которые пророчествуют гибель всего мира. Я не разделяю этих мнений моих соотечественников в Америке. Я слышу и чувствую то, что происходит кругом меня, но я не страшусь. Все то, что произошло за последние годы, не выбило из-под меня фундамента моей веры. Одно я всегда вспоминаю, что рождение весны всегда приводит с собой бури, и когда тает снег и ломается лед, когда начинает пробиваться зелень и открываются почки, — вся эта ломка в природе, это является пророчеством, что земля возрождается к новой жизни. Весной, я не могу, чтобы не верить, что в этой великой ломке и разрушении, которые происходили в мире, также рождается новая жизнь для человека. Революция и ломки не рождаются из смерти: они являются проявлением новой, более великой, торжественной жизни. Когда я вспоминаю эти великие Божественные истины, то сердце мое радуется.

Среди всей этой ломки никакое другое учреждение не было так глубоко затронуто, как Церковь. Люди начинают сомневаться в истинах своей старой веры, и даже есть не мало таких, которые сомневаются, имеется ли вообще в этой новой жизни место для Церкви. И в эти времена Церкви обращается вызов, чтобы она проверила, насколько она может найти место в новой жизни. Мы прошли перед этой внутренней проверкой своей жизни.

Научное мышление является настроением настоящего времени. Новые изобретения, новая научная истина открываются чуть что не ежедневно, и ничто не является достаточно уважительным, чтобы оно могло избежать этого анализа глаз науки. Многие, че-

го достигла наука, как-будто противоречит тому, что считалось священным в нашей жизни. Люди вне Церкви, часто сомневаются в удовлетворительности учения нашего, учения, распространившегося по всему миру.

Я должен говорить с вами откровенно и честно, что мое убеждение, — со стороны Церкви Христовой было бы величайшей ошибкой закрывать глаза перед раскрывшимися истинами. Я знаю только один путь для Церкви Христовой, я хочу один путь — это то, чтобы лучшие силы Церкви стали бы исполнять эти истины. Перед тем, как Христос покинул землю, Он дал обетование Своим ученикам послать Утешителя Духа Святого. Он сказал, что если Св. Дух придет, Он введет в самую истину. Это обетование Христа и повеление, чтобы Церковь была в мире для познания истины.

Если что-либо необходимо для Церкви Христовой в настоящее время — это, чтобы мы любили Бога не только всем сердцем, но всем познанием своим, чтобы Бог дал нам то, о чем мы молимся, чего ищем, о чем надеемся, — чтобы Бог дал нам лучших людей из массы верующих, которые были бы вооружены знанием и силой и которые стали бы в ряды священнослужителей, чтобы Церкви Божией не нужно было бояться, открывая свою душу и мысль для истины.

И эти дни, которые мы переживаем, когда происходит всемирная борьба за свободу и просвещение, когда человечество требует, чтобы несправедливость и ненависть были устранены, в эти дни, когда те классы, которые были унижены, подавлены, требуют право на существование, — в такое время и в такой борьбе, Церковь Христова не может стоять в стороне, как нежелающая и немогущая помочь этому делу. Но, с другой стороны, Церковь должна дать свою силу, влияние, она должна дать эту силу для просвещения масс, чтобы преодолеть несправедливость, чтобы залечить раны человечества, когда происходит борьба, когда человеку отклоняется право на свободу и человеку отклоняется право на радость жизни. И для этих целей Церковь должна собрать свои силы и идти в наступление. Если позволите мне сказать о тех конкретных задачах, которые стоят перед вами, — Россия переживает великий социальный экономический эксперимент. Первый раз, поскольку мне известно, в истории человечества, первый раз в истории великой страны, что государство дает свои силы для служения униженному классу. Оно старается достигнуть лучшего, — того, что Богом дано. Слишком великая задача, чтобы преодолеть человеческими силами. Я не вижу, как эта великая задача, которая требует таких великих усилий, могла быть преодолена без Божией помощи. Какую задачу должна взять Церковь в такой момент? Позвольте ответить на этот вопрос. Я говорю из своей души, так сказать, отвечаю себе. Я должен сказать это, как пастырь Церкви Божией, что в таком великом деле, как здесь, я не вижу, как может Церковь стоять в стороне в такой момент, какой переживает Россия. Я не говорю, что мы должны указать или подтвердить все методы. Насчет методов я говорить не стану. Меня более всего тревожит эта цель, которой необходимо нужно достигнуть. Многие, может быть, было сделано, что не следовало сделать, многое, может быть, не сделано, что должно быть сделано. Много было страданий и гибели и еще, может быть, будет много страданий. Но я не говорю теперь лишь о методах и способах, но я смотрю на то, что является теперь нашей целью — взять эту униженную, подавленную массу и поднять на высоту сынов Божиих. Я не вижу, как может Церковь стоять в стороне.

Позвольте мне сказать еще слово вашему Собору, я уверен, что никогда не было такого явления — вам предоставлена возможность быть вождями новой веры. Вы можете демонстрировать, что Церковь Христова идет рука об руку с государством, которое дает свои силы для помощи униженной массе.

Глаза христиан смотрят на вас. В настоящее время люди смотрят на вас со всех концов мира, они молятся за вас в этот момент, чтобы в вас были мужество, мудрость и сила, чтобы сделать великими вождями в Царство Божие. Этот великий день в России и мире, этот великий час, который вполне готов нести в мир великое добро, такой час, в который так много ожиданий, в такой час все возможные разногласия должны быть устранены, в этот час должна быть совершена великая молитва Христова, чтобы все были едины.

Мои надежды, когда распустится этот Собор, чтобы он распустился единым фронтом, выступая не только в пределах России, но и за пределами ее.

Я не могу согласиться с теми, которые пророчествуют гибель религии. Религия не будет устранена; учреждения могут быть устранены, церкви могут погибнуть, но те глубокие инстинкты, которые живут в сердцах человека, они проявятся так или иначе. Пока есть нужды, которые нужно излечить, пока есть еще грехи, которые нужно простить, пока есть еще у человека страдания, пока у них есть глубокие тяжести на себе — человеческое сердце поднимается

¹⁾ Переводил д-р Геккер.

к высшему. Может быть, церкви будут устранены, может быть, учреждения могут быть заменены, но человеческое сердце не перестает жаждать Бога. И тут-то является великая возможность для Церкви воспользоваться этими чувствами у человека и вести его к Богу.

Я пришел к вам, как епископ Епископальной Церкви, но я пришел сюда с гораздо более широким назначением. Я здесь — как смиренный последователь Господа нашего Иисуса Христа. Я должен сказать слово, что касается Церкви, которой я являюсь представителем, и то, что я желаю сказать — это то, что Епископальная Церковь не имеет других целей, как доброжелательство. Мы не имеем никаких целей для себя самих.

Когда ваше приглашение было прислано через океан, то моя Церковь ответила из чувства доброжелательства к вам. Мы ничего не требуем от Церкви для себя. Наше желание — помочь в этот тяжелый критический момент православной Церкви.

Я не знаю, как нам помочь или, можем ли мы вообще помочь. Желаю вас уверить, что все, что в наших силах, средствах, имейте уверенность, что мы будем считать долгом помочь вам.

Прошу вас сказать то, что мы могли бы сделать для вас и то, что вы попросите у нас, мы постараемся выполнить. Наши средства, конечно, ограничены, — наше желание и любовь к вам неограничены.

В своем заключительном слове я желаю повторить чувство доброжелательства и благословение от нашей великой Церкви к вашей более великой и благодарить вас за ту возможность, что могут высказать чувства души во имя Христа Спасителя.

Члены Собора поют епископу Блэйку «ис полла ети деспота». Митрополит Петр. За такое горячее слово от Американских Епископов — «многая лета»!

Члены Собора поют «многая лета» Американским Епископам. Митрополит Петр. Слово предоставляется Новикову к порядку работ Собора. (Голоса: просим Американского епископа почетным гостем.)

Епископ Блэйк избирается почетным гостем Собора.

А. И. Новиков. Сегодня закрывается работа первого дня Собора. Завтра работа предполагается с 11 ч. дня.

Сегодня еще у многих Членов настоящего Собора нет мандатов. Организационное Бюро просит завтра явиться всем Членам Собора сюда, в этот зал, для проверки имеющихся мандатов и выдачи билетов.

Митрополит Петр. Итак, первое заседание Второго Всероссийского Поместного Священного Церковного Собора считаю закрытым.

Прошу стать на молитву.

После молитвы заседание закрывается в 9 час. 50 мин. веч.

Сущность обновленчества, его история и будущее.

(1922 — 1927 гг.).

Деятели и сторонники церковного обновления постоянно приходится встречаться с двумя категориями людей: одни встречают их просто злобно и догматически, ничего не слушая и ничего не понимая, тупо и в меру же этой тупости самонадеянно и фари-сейски горделиво заявляют, что они — еретики, безблагодатны, царство антихриста, хриstopродавцы, разрушители веры и Церкви, другие — люди более вдумчивые, честные и осторожные, менее предубежденные, желающие не судить только с плеча, а и разобраться, дать себе отчет в том, что происходит сейчас в русской Церкви — задают вопрос или, вернее, ряд вопросов: что такое церковное обновление, в чем его сущность, где и в чем его исток, откуда неудача и одиозность (неприязнь к нему), современно ли оно и действительно ли необходимо? Дать краткий и в то же время, беспристрастный и исчерпывающий ответ на эти вопросы — и является задачей дальнейших строк.

Мы сейчас, в нашу бурную и в то же время важную и ответ-ственную в истории человечества эпоху, стоим в числе прочих перед одним несомненным фактом: христианство в истории человечества в общем не удалось, не сыграло той роли, которую могло и должно было сыграть, и потому в настоящее время остается за бортом перестраивающейся жизни, не является началом, организующим ее. Причина, историческая причина этого та, что оно, будучи вначале действительно нравственной и социальной силой, так или иначе должно было вскоре встретиться и действительно встретилось с «миром сим» и с государством, как организацией мирских интересов, настроений и отношений. Первая встреча их была бурная, она разразилась рядом свирепых и сильных гонений на христианство со стороны государства, тогда всецело языческого и далеко еще от того, чтобы называть себя христианским и хотя бы лицемерно «облечся» в ризы новой веры, новой правды и новых взглядов. Гонения эти однако не привели ни к чему: голос Евангелия в его силе не упал, а стал сильнее, массы его услышали и стали проникаться тем, что он вещал, и что было противоположно тому, чем жило и дышало государство. Чтобы спасти положение, последнему не оставалось ничего, как изменить тактику и насилие заменить хитростью. И оно лицемерно объявляет себя христианским, начинает играть на человеческих слабостях руководителей Церкви, дает им подачку в виде «господственного» положения Церкви в государстве и тем самым пополняет ее, делает служанкой своей; за «чечевичную похлебку», за казенное содержание, притворный почет и кареты продается ими «первородство» свое. Церковь нужно было «обезвредить» для себя, приручить и тем избежать ее обличения и нападения. И государство ставит Церковь в такое положение, что она отныне уже не осуждает и отмечает, а наоборот благославляет и утверждает его со всем тем, что нужно и дорого ему или, по крайней мере, примиряет со всем этим. Но само оно по-прежнему остается христианским, разумеется, лишь по имени и зорко следит, чтобы как христианство от слов не перешло к делу, подавляя тотчас же каждую его попытку в данном направлении. Если христианство и допускается не как слова, а как дело, то только как начало индивидуальное, но отнюдь не социальное. И так как этот прелюбодейный союз Церкви с государством длился, начиная с Кон-

стантина Вел., все время вплоть до наших дней на протяжении целых 16-ти веков, то и понятно то историческое бессилие христианства, перед которым мы стоим: оно кроется не в нем самом по себе, не в его сущности, а в тех исторических условиях, в которые его поставили люди, недостойные его вожди и носители. Индивидуальную же им проникнутые лица, видя — и без всякой надежды на изменение положения дел — мир лежащим во зле и неправде, душимые подлостью и пошлостью людской, бегут прочь от мира, в пустыни, леса, затвор, монастырь. Христов лозунг: «спасать» сменяется другим — «спасаться», христианство из религии с п а с е н и я, идущей «по стопам Христа» С п а с и т е л я, из религии спасения мира «лежащего во зле», от этого зла превращается в религию с а м о с п а с е н и я: слова первосвященнической молитвы Христа: «Не молю, чтобы Ты взял их от мира, но чтобы сохранил их от зла... Как Ты послал меня в мир, так и я посылаю их в мир» (Иоанна, XVII, 15, 18), оказываются забытыми, в пренебрежении. Вместо того, чтобы так преобразить мир и жизнь, чтобы не нужно было от них отдыхать, Церковь в своих храмах, монастырях и молитвах сумела предложить лишь некоторый отдых от них всем тем, кто истомился, устал, изнемог¹⁾. И мы таким образом встали пред христианством «новым», не активным, живым и животворящим, жизнь образующим, а мертвым, пассивным, монашеским, перед тем, что создала главным образом Византия средних веков, и что можно назвать византизмом, где святой — это непременно отшельник, монах, юродивый или что либо в этом роде. Вот идеал! Вся жизнь, реальная жизнь во всем многообразии ее проявлений осталась в стороне, христианство ушло в храмы и монастыри, замкнулось там: Христос оказался под домашним арестом в собственном доме, доме Божьем с го решетками и замками, со стражами скорее, чем с проповедниками слова Божия, с навещанием Его там раз, много два, в неделю на какой-нибудь час. Христос пришел в мир, а христианство ушло из него. Дело Христа, по меткому выражению «Великого Инквизитора» в «Братьях Карамазовых» М. Ф. Достоевского «исправили» и конечно, не только на нелюбимом им римско-католическом Западе, но и везде — и у нас: пошли путем тех искушений, которые предлагались когда-то в пустыне Христу и были отвергнуты Им. И не мудрено, что появились вопросы: «Пассивно или активно христианство?» и «Как относится служение ближнему к спасению собственной души?» но и жаркие споры (архиеп. Никона Вологодского и его противников из Москв. Дух. Академии) на эти темы. Естественные следствия отсюда: духовная власть превратилась во власть духовную только по названию, по кругу подведомых ей лиц и дел, а не по духу, не по средствам воздействия; христианская община, долженствующая жить о б щ е й жизнью, думой о б щ е й, общим идеалом, желаньем, интересом общим, общей радостью и горем, заботой общей — в приход, т.-е. в приходящих только и уходящих или, точнее, проходящих: пастырь из пастыря в священ-

¹⁾ Первохристиане определяли Церковь, как Церковь «святых», св. Ефрем Сирин, как Церковь кающихся, но правильное ее определение «Церковь совершенствующихся». — нет совершенства, мало и одной повинной, необходимо совершенствование жизни и себя.

ника¹⁾ — «служителя культа» лишь, при чем здесь резко отделился от мирян, монополизировал всю силу благодати, формула «таинство совершается непосредственно силой Божией по молитве в с е й Церкви (т.-е. всех присутствующих), священнослужителем только вдохновляемой» оказалась забытой, и последний из священнослужящего горделиво и не без личной выгоды, в противоположность всем остальным христианам, объявил себя священнодействующим; а сами молитва, таинства и все храмовое богослужение перешли в сплошное обрядоверие, какую-то магию (и колдовство), в веру слова и действие, взятые сами по себе, без души, в веру в материальные святыни и освящение; классическим, ярким примером чего, кроме всего прочего, что составляет вместе и западное и наше православное, — может служить хотя бы одно из прошений великой ектении нашего так наз. малого водосвятия: «Яко да Господь Бог покажет ны сыны и наследники царствия Своего воды сия причащением же и кроплением, Господу помолимся». Легко и просто достижимое спасение: воды кроплением! Обрядоверие же в свою очередь естественно повело к старообрядчеству — будет ли то старообрядчество противников в свое время патр. Никона или в наше время сторонников патр. Тихона, к вере именно в с т а р ы й обряд, хотя бы эта древность его и была весьма относительна и сомнительна. Живое творчество, движение и жизнь здесь, которыми были так выгодно и ярко отмечены первые и даже средние (хотя последние довольно и односторонне уже) века христианства, пред его лицом и под давлением его постепенно изсякают. И все это — результат того, что жизнь уходит от христианства от подлинного, а не внешнего только своего освящения, проникновения им, а христианство, в свою очередь, бежит от нее. Но бегство его верных, но не по разуму, чтителей и носителей дает себя и больно чувствовать и в другом. Если идеал святости, вопреки предупреждению И. Златоуста: «ты говоришь, что мяса не ешь и вина не пьешь, спишь на земле, но ведь и скот делает то же самое, а бесы и вовсе никогда ничего не едят и не пьют, в чем же заслуга твоя?» (Ср. I Кор. XII, 1—3 и Ис. 58.1—7), суживаясь до крайности, исключительно сводится к изнеможению плоти («Бесплотный ангел») и борьбе с ней, к посту, одиночеству и безбрачию, то и на эту плоть, а в частности и на брак и брачные отношения тем самым набрасывается черная тень. Вместо того, чтобы это засевание новой жизни, это интимнейшее и трепетное соединение двух любящих, к друг другу стремящихся существ человеческих облагородить и одухотворить, оно втаптывается в грязь, явно или открыто объявляется ею, опошляется. И вот мы — при лицемерии вещи странной, однако непреложной: погоня за якобы высшей нравственностью, за превзойдением Божьего закона жизни ведет к полной безнравственности. Не отсюда ли и все знаменитые порнографические анекдоты известного поборника и насадителя монашества Антония Храповицкого? Не отсюда ли и вообще вся наша порнография жизни, и мысли, и слова?! Создав идеал духа и только духа, христианские аскеты не сумели создать идеала плоти, не сумели ее освятить и очистить, а неочищенная и неодухотворенная — она испачкала и дух, оплотняла снова и его. И вместо апостольского: «жена спасается чадородием» (I Тим. 11, 15) и о браке «тайная сия велика есть, аз же глаголю во Христа и во Церковь» (Еф. V, 32), мы слышим в молитве, над родившей читаемой: «Господи... благоволивый родиться от Святыя Богородицы... прости раба Твоей, днесь родившей, Ты бо рекл еси: раститеся и множитесь... прости ей и всему дому, в нем же родися отроча, и прикоснувшимся ей и zde обретающимся всем». Отсюда же и культ монастырей и черный епископат! Какое внутреннее, а еще больше слову Божию противоречие! И не такое же ли противоречие и вся наша современная церковная мысль и действительность? Положение создалось по всему фронту не нормальное, не терпимое и кошмарное. Из него нужно было выйти. Вот здесь-то, в этом сознании и устремлении, и кроются истоки церковного обновления. Хронологически и исторически они, если хотите, уходят далеко в глубь веков: в России к «Заволожским старцам», Максиму Греку и «Кружку ревнителей благочестия», при патр. Никоне с главой его знаменитым протопопом Стефаном Вонифатьевичем, к Феофану Прокоповичу, митр. Арсению Мациевичу и мученикам «иже с ним и по нем»; беря ближе, — к славянофилам Ф. М. Достоевскому, Вл. Соловьеву и неохристианам наших дней В. В. Розанову и Д. С. Мережковскому, к известному архим. Феодору Бухареву, архим. Антонину Капустину, еп. Порфирию Успенскому, свящ. Гр. С. Петрову, иером. Михаилу Семенову, проф. прот. П. Я. Светлову, Московской и Киевской группам прогрессивного духовенства и духовноакадемической профессуры, «Петроградским Религиозно-Философским собраниям», к Письму «32» и даже к Пред-

соборному Присутствию 1906 г., на обновленческой платформе стоит, наконец и о его необходимости в своих предсоборных воззваниях говорит и Св. Синод, создавший собор 1917 г., избранным которого, увы! оказался патр. Тихон. Уход сего последнего и «Живая Церковь» ВЦУ 1922 г., еп. Антонин (Грановский), митр. А. Введенский, прот. Вл. Красницкий и все и все прочие таким образом не были чем-то новым и неожиданным: это лишь новый этап, новая вспышка и проявление давнишнего, нужного и неотвратимого. Недаром мы видим и слышим еп. Антонина уже в 1903—1905 гг., прот. А. Введенского на «Демократическом Собрании» 1917 г. А. «Церковно-Общественный Вестник», «Церковное Обновление» 1906 г., «Церковная Газета» и вся прочая либеральная церковная пресса и журналистика прежнего времени! Но в чем же точнее сущность и программа церковного обновления в целом, минуя отдельные несговорившиеся и иногда еще недопонимающие, ощупью идущие группы? К каким пунктам их можно свести? Таких основных пунктов три и несколько частных и производных:

- 1) Борьба с цезарепапизмом и вытекающие отсюда:
 - а) приветствие отделения Церкви от государства;
 - б) разрыв с капитализмом.
- 2) Борьба с византизмом и вытекающие отсюда:
 - а) освящение плоти и борьба с монашеством, его идеологией и засильем.
- 3) Борьба с клерикализмом и вытекающие отсюда:
 - а) пасторизация священства (вместо священника — пастырь);
 - б) этизация духовной власти (власть на началах не права, политики и силы, и нравственного обаяния и авторитета);
 - в) литургизация и оживление (динамизация богослужения).

Христианство предвещает горе богатым и смеющимся, оно выступает с повествованиями и притчами о Богатом и Лазаре, о богатом юноше, неразумном богаче, Иуде предателе, «сребролюбивем недуговавшем»¹⁾; оно говорит, что Божье Богу, а кесарево Кесарю, тем строго отделяя одно от другого. Это отделение Церкви от государства, падение капитализма и социальных (классовых) и национальных перегородок у нас совершилось, и обновленчество принимает их не как наказание Господне, не с воплем, проклятиями и слезами, не как какую-то несправедливость, несчастье и обиду, не с взорами и надеждами, обращенными на Запад с его прежним строем, а радостно, как великое освобождение. Христианская община должна правильно, евангельски и апостольски организоваться. Пастырь — прежде всего — пастырь, руководитель, голова (мозг) и сердце прихода, его душа и духовный отец. Первая его обязанность — не богослужение только в храме, а, как и каждого христианина, богослужение в жизни, проповедь и проповедь не столько словом, сколько делом, примером; проповедь словом, проповедь с амвона, как и у Христа, лишь дополнение, комментарий или подготовка к проповеди жизнью — для ее лучшего и правильного воспитания²⁾. Само собой разумеется, прежний примитивный способ обеспечения духовенства должен быть раз и навсегда оставлен и заменен другим, организованным содержанием духовными детьми своего духовного отца. Может быть ничто, кроме союза Церкви с государством, не принесло ей столько зла, сколько традиционный способ содержания причта путем различных «хождений», поборов и платы за «требы». Не говоря уже о том, что он роняет его авторитет, портит взаимные и с прихожанами отношения, вызывает упреки и насмешки, развивает жадность, угодничество и азарт, он, что самое важное, меняет всю его психологию, невольно перемещает центр внимания. Что и кто кормит, то и тот и на первом плане: требы и богатый, многоимущий и многодающий. Богослужение общественное, проповедь, работа миссионерская и организационная не кормят, они и в небрежении и загоне. Да даже и в литургии не проскомидия ли на первом месте? А это искусственное и намеренное иногда поддержание и эксплуатация народных суеверий! Стоит только переменить способ содержания духовенства, вывести плату за «требы» и проч., завести определенное месячное содержание от прихода, единую церковную кассу, и вся картина сразу резко переменится. Теперь все благополучие причта будет зависеть от его успеха в приходе, не от отдельных лиц и их «треб», а от целого, от хорошей постановки проповеди и общественного богослужения, от доброй жизни и авторитета пастыря, которыми только и можно покорить и привязать это целое, и потому сюда будут направлены и все думы и силы и все внимание. Будет делаться нужное и «единое на потребу» и не будет делаться и искусственно культивироваться, принимая иногда даже прямо уродливые, внешние смехотворные, а внутренне возмутительные

¹⁾ Священник же дальше — в бытового «попа», простого ремесленника, вымогателя и требоисправителя; см. кн. Елагина: «Белое духовенство и его интересы». 1881 и «Чего надо желать для нашей Церкви», в 1—111882 и отповедь на первую И. Старова. В защиту белого духовенства. 1882.

²⁾ Характерно выражение Гл. Успенского («Письма с дороги»: «гrehоводник-капитал».

³⁾ Это еще помнит и понимает даже известная (к сожалению) больше по названию составленная еп. Парфением Сопковским, книга «О должностях пресвитеров приходских». 1771.

формы, не нужное или мало нужное. Такая реформа — еще один из пунктов: «Духовного Регламента» (прибавления к нему) Петра Великого, и ее пора уже осуществить. К сожалению, что формально и на бумаге еще при Петре Вел. было законом, то фактически, в жизни даже и в современном церковном обновленчестве вместе с реорганизацией прихода в общину, является лишь проектом. Византизм дал нам пассивное христианство и ложный аскетизм, вместо подлинной святости. Поставив своей задачей борьбу с византизмом в других пунктах, обновленчество, разумеется, не забывает и этого пункта. Свой поход против монашества, его засилия и идеологии, оно, конечно, открывает не по случайным причинам и личным мотивам, не потому только, что монастыри наши в последнее время сделались очагами тунеядства, пьянства, разврата и мракобесия, распадниками суеверий; и не потому только, что проведение в жизнь монашеского, черного епископата страшно суживает число кандидатов с огромным вредом для дела, отдавая кормило церковного правления иногда в руки, весьма во всех отношениях слабые и, наоборот, оставляя только потому, что они не монахи, за бортом личности нравственно и умственно сильные и талантливые, даже иногда религиозно-гениальные; и потому, что настанет время, когда все равно не сегодня, так завтра придется перейти на епископат белый, женатый или полубелый, вдовый (как на правосл. Востоке), просто за отсутствием даже и самых захудалых кандидатов монахов¹⁾. Нет,—причина тому гораздо более важная и принципиальная. Византизм и монашество охали брак. И обновленчество ставит своей целью вернуть ему первоначальную, Евангельскую святость и честь, подчеркнуть, что он — великое таинство и не столько венчание, сколько он сам, как факт духовно-физического соединения двух существ и зарождения новой жизни, образа Божия и подобия, что он—участие в самом высшем роде творчества, Божьем творчестве, творчестве человека, что не только венчание, а и он сам есть и должен быть священнодействием, а каждое из состоящих в нем существ для другого святыней и душой своей и т е л о м. Благоговение—благоговение к браку и одного к другому в нем—вот лозунг здесь, суть дела. Без него внешнее освящение, венчание не спасает. Обновленчество не отрицает монастыря вовсе, оно борется только с его ложной идеологией и засилием и кумира из него и монашества не творит. Оно говорит, что монастырь нужен и допустим, но не как идеал и что-то высшее, а лишь как санаторий для духовно-больных и слабых, окончательно измученных, в конце уставших. Вот его место и расценка Евангельская, подлинно-христианская, а не своя только субъективная. Продвигая вообще от периферии в религиозно-нравственной жизни и делания к центру, от внешнего к внутреннему и в этом в знаменательной мере полагая свою суть, обновленчество устанавливает или вернее восстанавливает другой, по сравнению с уже давно укоренившимся в исторической жизни Церкви, взгляд и на самую духовную власть в ней. Оно требует, чтобы эта власть была действительно духовной, духовной по своему существу, по основе и проявлениям, не властью лишь юридической и главным образом ряс над рясами, а властью моральной, этической; не властью принуждения, силы, номера и печати и кулака или политического учета сил и обстоятельств, а властью убеждения, нравственного обаяния и авторитета, добродетели, любви и смирения. Отсюда — принцип выборности и соборности как источник моральных доверия и обязательности и предохранение от административного произвола и превозношения, самодурства и нетерпимости. Епископ — начальник не в смысле власти «тащить и не пущать», а в смысле инициатора, вдохновителя, низводителя огня ревности по Богу и правде Его, преобразования жизни, спасения «малых сих». Диакон греет, несет ласку и тепло, помощь, пресвитер светит, просвещает души словом Божиим, дает Евангельское разумение жизни и тем полагает грех, жжет совесть, епископ за ж и г а е т светильники новые и в старые гаснувшие подливает оскудевающее в них масло, елей. Тоже самое соборное, или здесь носящее специальное название литургического, начало необходимо и проводится обновленчеством и в храмовом богослужении. Выставляется принцип, что ни одно таинство и ни одно общественное моление не совершается и не может совершаться без активного, полного и сознательного участия мирян, всех присутствующих и молящихся. Священнослужитель—только предстоятель в данном случае, вдохновитель и руководитель. Молитва же творится, должна твориться и не на словах в виде лишь молитвенного пожелания, а на деле «едиными усты и единым сердцем» всех, без всяких перегородок, монополизаций, утаения, отделения. Об этом говорит древне-церковная практика, церковные каноны, святые отцы, самая суть и смысл дела дух христианства, Евангелия. Достигается это открытым алтарем (постоянно открытыми царскими вратами, как при служении архиерейском или на Пасху), чтением всех так называемых тайных мо-

литв, как-то указывает (глава «о молитве и поклонах») и церковный Устав, вслух, русским, приближенным к русскому или вообще удобопонятным для молящихся богослужебным языком, общенародным (а не хоровым, концертным) пением. Последнее делает всех активными участниками богослужения, не «отстаивающими» только и «отслушивающими» литургию и все прочее, а действительно в этом по буквальному смыслу слова (литос — народ, ергон — дело: литургия — всенародное дело) всенародном деле участвующими; открытый же алтарь или царские двери, чтение священнослужителями всех молитв вслух и понятный язык (при хорошем, выразительном, а не «дьячковском» чтении) — все понятным. Ведь чтение литургических и других молитв, несмотря на все древние (имп. Юстиниана Вел., св. Иоанна Златоустого, Лаодикийского Собора) и новые запрещения, священнослужителями про себя или вполголоса, является не более и не менее, как лишь очень выгодным — и в смысле экономии времени и труда и в смысле искусственного поднятия своего, без этого ничтожного авторитета — для духовенства остатком былого—до-Никоновского многогласия, многогласием открытым — и только! По пути той же литургичности или соборности, несомненно должно идти не только совершение литургии, но и всех прочих таинств. В Христовой Церкви, которая есть живой организм, единое Тело Христово, где, по слову апостола, «страдает ли один член, страдают с ним и все члены, славится ли один член, с ним радуются и все члены» (I. Кор. XII, 26—27), не может быть, неуместно и недопустимо никакое, так называемое, частное (а не общественное) богослужение, какая бы «треба» ни была. «Молись друг за друга» (Иак. V, 16) — вот заповедь апостольская. Об этом же говорят и сами чинопоследования, само содержание и строй молитв и богослужебных чинов, — всех без изъятия, вплоть до, казалось бы, интимнейшего таинства покаяния. Каждое таинство, исполнение каждой «требы» должно совершаться всенародно, всецерковно и лучше бы всего, как в древности и как чин хиротонии и до ныне,—на литургии. Практика иная—признак церковного омертвения, духовного разединения и отъединения. Это — уже не церковное, не Христово. Наконец, пункт последний: оживление церковного богослужебного творчества. Древняя, да даже и средневековая еще Византийская Церковь, не знала в этом отношении застоя. Постоянно создавались не только новые произведения по образцу прежних, как скажем, теперь обстоит дело с акафистами и почему-только с ними одними; но создавались и новые чины, новые «службы», изменялась самая структура их, до бесконечности разнообразилась, одни формы богослужебной поэзии сменялись другими: кондаки вытесняли антифоны, каноны кондакарии и т. д. Никто этим не стеснялся, не соблазнялся. Тут была и была жизнь, не было окаменения — того окаменения, которое началось только с XIV века и неминуемо повело к магии слов и действий, обоготворению их, к своеобразному идолопоклонству перед ними. Необходимо снова вдохнуть сюда жизнь, ввести движение, прогресс, а вместе с тем показать, что слова и чинопоследования, их схемы сами по себе — ничто, не имеют какой-либо особой силы, что все дело в самой душе, в ее движениях к Богу, в молитве, в ее существе, а не во внешних исторических преходящих, не всегда даже удачных и подлинно христианских, формах, к тому же время от времени в некоторых своих видах и частях отживающих век. В самом деле, те стихиры, каноны и тропари, которые казались шедевром поэтического и религиозного творчества и вдохновения несколько веков тому назад, нам уже чужды, для нас наивны и элементарны, отдают для нас мертвиной и дышат схоластическим средневековым риторизмом. Нам нужно нечто новое, более сложное и живое, сообразное с движениями и потребностями нашей современной души. Что в числе прочего привлекает (особенно молодежь) в секты, хотя бы к тем же, так называемым, евангельским христианам, на их молитвенные собрания? Их новая богослужебная поэзия, их гимны. Можно говорить об их в этом отношении бедности, художественной невзыскательности, но глубоко знаменателен и прав их ответ на вышепоставленный вопрос. У вас,—говорят они,—на всем лежит печать монастыря, дряхлости, старости, преобладающий мотив ваших молитв и песнопений — покаяние, желание хоть кое-как в итоге жизни свести концы с концами; «п р о ч е е время живота нашего в мире и покаянии скончати» — вот ваше главное стремление и упование. Это стариковское! У нас другие идейные мотивы, мы — воинство Христово, рвущееся в бой за правду Его. Вот наш магнит! Но разве это специфически сектантское? Разве это не может и не должно быть и нашим православным, церковным? Конечно, да! Жизнь, сила, движение, свобода, импровизация, разнообразие, как встарь, в первые века христианства! Почему в наших современных служебниках только три литургии, а в «Собраниях древних литургий» (хотя бы в том же русском: СПб, 1874—8 г.) их десятки? И какое обилие не только различных молитв, но и различных схем, какая глубина и разнообразие содержания! Несомненно богослужебно мы не прогрессируем, а сильно пошли и идем назад, от лучшего к худшему. Пора опять пойти вперед! Это последний пункт, послед-

¹⁾ См. проф. А. П. Лебедев. Вожди слепые.

ний клич обновленчества или, вернее, не его, а жизни, подлинно христианского духа. Каждое дерево растет, ширится в своем стволе не снаружи, а изнутри, из сердцевины, там — жизнь. И обновленчество, поскольку зовет нас к оживлению христианства, есть именно во всех своих пунктах движение от внешнего к внутреннему, от символов — к самой за ними скрытой истине в жизни духа. Это его альфа и омега, начало и конец.¹⁾ К сожалению, вся эта картина подлинного обновления ясна далеко не всем, — не только его противникам, ибо иначе в большинстве случаев они, можно быть уверенным (веря в человека), и не были бы ими, но и сторонниками, даже иногда деятелями его. Большинство и тех и других скользит лишь по поверхности, видит отдельные его части, при том вне всякой связи друг с другом и с самой сердцевинной, с корнем. Если обновление в целом, в полном его масштабе, сравнить с вазой, то можно сказать, что в руках у массы, перед мысленным ее взором оказываются лишь одни черепки от таковой: и немудрено поэтому, что они, видя только их, удивляются, на что они нужны и вполне искренно спрашивают, стоит ли и уместно ли ломать из-за них копьё или, как любят выражаться наши староцерковники: «раздирает ризу Господню». Но не одно, конечно, незнание, не одна несознательность играют тут роль и не они одни провалили и, может быть, надолго дело обновления и сделали его для многих даже одиозным, ненавистным, вызывающим «скрежет зубный». Есть тому и еще две причины. Первая из них — характера далеко не церковного. Обновление ненавистно всем обломкам «старого мира», всем так называемым «бывшим людям», всей нашей политической и социальной контрреволюции, всем тем, чье сознание осталось прежним, ни на каплю не двинулось вперед, кто не принимает подлинного христианства, не представляет его без связи с государством, с определенным социальным и бытовым укладом и даже может быть с монархом и «Божим помазанником» во главе. Эти люди, как они и сами часто в интимной беседе признаются, ищут в Церкви не Христа и не на Его правде думают там отдыхать (если уже только отдыхать), а ищут лишь старого, привычного, на нем и среди его, — плохо ли оно или хорошо само по себе, — хотят отдохнуть от всего нового, непонятного, неприемлемого, для них, ненавистного. Хоть в Церкви, хоть в храме оставьте нам уголок этого милого, старого, дорогого нам — говорят они. Мы уже не говорим о таких признаниях, как признание известного Антония (Храповицкого), который в одном месте прямо говорит: «Писать ли о том, что и по ныне патриаршеству (а вместе с тем, добавив мы от себя, и всей старой Церкви) и самодержавию сочувствуют одни

и те же круги лиц, одно и то же направление мысли? (Собран., соч. т. III, 331)²⁾. Ясно, что никакие персональные и при том, конечно, лишь дипломатические покаяния, предсмертные завещания и декларации ни патрх. Тихона, ни митр. Сергия и еписк. Григория и Бориса не помогут и ничего против этого не говорят и никогда не скажут. Они вызывают лишь недоумение и «соболезнование» по поводу их «внешней неизбежности» со стороны их сторонников, а иногда даже и ропот, осуждение и охлаждение к ним. «А мы-то надеялись», говорят или думают эти. Ясно, что никакое выяснение обновленческой идеологии, ее обоснование и оправдание здесь не помогут: здесь дело идет не о деле Божием и его росте и судьбе, а лишь о быте, собственном утешении в потерянном, о желании забыться хоть на минуту от того «ужасного», но неминуемого, что налетело, как вихрь, и перевернуло все вверх дном.

И так быть или не быть обновлению и вместе с тем и Церкви Православной Русской, — вот вопрос. Быть, и несомненно быть!!! Но где же, может быть скажут нам, были обновленцы раньше, почему они ничего не предпринимали и не выступали в свое время, когда времена были более спокойные, и когда обновление не вызывало бы такой смуты церковной? Думается, если современные обновленцы вообще обязаны давать ответ за то, что было до них, он дан всем предыдущим. Дают его и следующие факты: Максим Грек был судим, в ссылке и заточении, реформы патр. Никона вызвали, благодаря протопопам Аввакумам и Никитам Пустосвятам, раскол русского старообрядчества XVII века, митр. Арсений Мацеевич погиб в тюрьме, в каземате, архим. Феодор Бухарев был вынужден снять с себя сан, архим. Антонин Капустин, несмотря на все свои таланты, достоинства и просвещение, — и умер архимандритом, свящ. Гр. Петров был лишен сана, архим. Михаил (Семенов) чтобы спасти последний, бежал в старообрядчество и там задохнулся, еп. Антонин долгое время был в опале, предсоборное Присутствие 1906 года оказалось распущенным досрочно. Не даром в указе импер. Екатерины II митр. Арсений Мацеевич наименован «Андреем (его мирское имя) Вралем», а по поводу уничтожения в Никонские времена многогласия в 1651 г. «извещал гавриловский поп Иван Государя — говорил — де ему никольский поп Прокофий, где с ними не сойдетца: заводите-де вы, ханжи, ересь новую — единогогласное пение и людей в церкви учите, а мы-де людей прежде сего в церкви не учивали, беса-де в себе имате; нам-де хотя и умереть, а к выбору (т.е. к указу для росписки в прочтении его и принятии к исполнению о единогогласии) рук не прикладывать»...

Проф. епископ Константин Смирнов.

О церковно-богослужебном и внебогослужебном употреблении псалмов.

Как известно, употребление псалтири при богослужении Христианская Церковь унаследовала от церкви ветхозаветной. Сам Христос освятил пение псалмов Своим собственным примером. Повествуя о Тайной вечери, евангелист Матфей отмечает, что Господь и ученики Его по совершении Вечери, «воспевши, изыдоша в гору Елеонскую» (XXVI, 30). По все вероятности, это пение относится к псалмам 115—117, которые у иудеев того времени полагалось петь по окончании пасхальной вечери, сразу после четвертой чаши, называвшейся «чашей хваления». Недаром пс. 115 («В веровах, тем же возглаголах...») положено читать ко св. Причащению, вместе с 22 и 23 псалмами. А во время Своей крестной муки Христос молитвенно возопил к Богу Отцу словами 21 псалма: «Боже, Боже мой, вскую оставил мя еси, Матф. XXVIII, 46. Св. Апостол Павел в своих посланиях к ефесянам (V, 18, 19), Колоссянам (III, 16), и 1 Коринфянам (XIV, 15, 20, 26 и 40) определенно заповедует первым христианам исполняться духом, назидая себя во псалмах и пениях духовных, воспевающе и поюще в сердцах своих Господеви. И ап. Иаков

внушает благодушествующим петь, петь псалмы (V, 13). Затем в «Постановлениях апостольских» говорится, что христиане, собираясь на молитву утром, пели пс. 62 (Боже, Боже мой, к Тебе утреннюю возжажда душа моя), вечером пс. 140 («Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...») и на Евхаристии во время Причащения — пс. 33 (Благословлю Господа...). У Василия Великого, Григория Нисского, Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Бл. Августина, бл. Иеронима и у многих других отцов Церкви мы часто встречаем упоминание, как о широком в их время обще-церковном употреблении псалтири, так и об особо установленных псалмах: вечерних, утренних, предначинательных, воскресных, покаянных и на погребение усопших, при чем в последнем случае неоднократно (у Григория Нис. и Бл. Августина) говорится о пении псалмов в течение всей ночи и вместе со всеми домашними: «Скорее солнце может перестать, чем прекратится псалмопение» — восклицает св. Иоанн Златоуст и прибавляет: «Давид в наших собраниях первый и средний, и последний». А блаженный Иероним замечает: «Это наш Симонид и Пиндар». Несомненно также, что с древнейших времен существовал в христианской церкви и определенный порядок богослужебного употребления Псалтири; по крайней мере, на Лаодикийском Соборе 564 года было введено церковно-богослужебное деление ее на 21 кафизму и каждой кафизмы на три «славы», а равно и некоторые правила для чтения ее. Впоследствии этот порядок вылился в прилагае-

юношество. Очистить наше религиозное мировоззрение и школьное богословие от этих неправославных и нехристианских даже (в смысле дела) элементов, вернуть их к чистоте святоотеческого учения и ставит себе задачей ряд отечественных богословов вообще, и обновленцев в частности. Вот и все. Все же речи об «еретичестве», об изменении догматов — только ложь и недопонимание. Да и движение это — пресекающееся только с обновленчеством, но не тождественное с ним; недаром за границей в «еретики» эти попал недавно и сам «столп и утверждение» православия Антоний (Храповицкий). См. обвинение его сербским профессором Милошем Парентою в Сербском «Гласнике» от 1 июня 1926 г.

²⁾ Ср. провозглашение проф. — прот. П. Флоренским «самодержавия в качестве догмата Православия».

¹⁾ В некоторых обновленческих программах имеется еще один пункт дополнительный, но вызвавший много сомнений и разговоров: это реформа школьной догматики. Во имя успокоения мятущейся, смущенной совести многих, мы хотим, считаем себя обязанными сделать здесь нужные успокоительные разъяснения, объяснить, в чем дело и в чем путаница. Первое это — не реформа догматов, а только школьной догматики, школьного богословия; второе, это — пункт для обновленчества случайный, побочный; третье, дело это впервые затеяно, вопрос этот поднят и как раз главами церковного течения противоположного: Антонием (Храповицким), нынешним заместителем местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергием (Страгородским) и их учениками, рядом профессоров и ученых богословов. Дело в следующем. Наше школьное богословие при отсутствии до конца XIX столетия собственной богословской науки, сложилось под влиянием римско-католического Запада. И его религиозные исполненные магии взгляды особенно широким потоком влились к нам через так называемую, Киево-Могилянскую академию, «Исповедание веры» митр. Петра Могилы, «Большой катехизис» Стефана Зизания и дальше сложившийся под их влиянием малый «Православный катехизис» митр. Филарета (Дроздова), «Догматику» митр. Макария и проч., на которых однако, к сожалению, до последнего времени воспитывались все наше духовное и светское

мый ныне к «Следованной» псалтири, так называемый «Устав о псалтири, како должно есть глаголати во все лето» с известными ныне четырьмя кругами: 1) от недели Фомы до 21 сентября, 2) до 20 декабря, 3) до Сырной недели и 4) в Великом посту, а также в особом «последовании по исходе души от тела». Но кроме чтения—пения псалтири в известном порядке целыми кафизмами (на утрени, вечерни и часах), она введена еще решительно во все церковные службы, начиная с литургии и кончая всеми чинопоследованиями таинств, всеми молебнами и прочими требоисправлениями или в виде отдельных псалмов (свыше 80), иногда сокращаемых «до полу», как напр. пс. 33, или, по крайней мере, отдельными стихами в великом множестве (сотнями) разбросанных по всем богослужебным книгам, в так называемых прокимнах, аллилуиах, антифонах, причастных и припевах к величаниям. Одним словом, мы смело можем сказать, что у нас нет ни одной церковной службы без псалмопения в том или ином виде (кафизмами, псалмами или отдельными стихами), и это обстоятельство естественно побуждает нас приложить заботу о сугубо-достойном и благоговейно-разумном совершении его.

Переходя к обычному установившемуся в современной церковной практике, употреблению псалтири, мы должны сказать, что одна лишь простая механическая замена в данном случае, славянского языка русским (по синодальному переводу), как многие рекомендуют, была бы реформой, по нашему мнению, слишком недостаточной, хотя бы уже по одному тому обстоятельству, что во многих местах наш славянский текст лучше, глубже и с большим достоинством передает мысль и выражает чувство псалма, чем это сделано в синодально-русском переводе, а иногда своею маловразумительностью, так сказать прикрывает шероховатости указанного перевода (см. напр., II, 2; III, 8; VII, 15; XXXIII, 11; 40, 9; 33, 11; 57, 9; 72, 6 — 7 и мн. др.). Безусловно необходим новый творческий перевод псалтири на русский язык, при чем в основу его должен быть положен не один только текст еврейской библии, но и греческий перевод 70-ти и наша славянская псалтирь; пользование же нынешним синодально-русским текстом ее возможно лишь, как временная мера, и наряду с текстом славянской псалтири в общеизвестных псалмах.

Затем, необходимо теперь же положить предел тому крайне произвольному выбору псалмов, скорее по объему и величине, чем по внутреннему содержанию их, и тому коверканию псалмов с бессмысленными пропусками и остановками чуть-ли не на полуслове, на логически незаконченной мысли псалма, — что так широко у нас практикуется сейчас во многих церквах, представляющих в данном случае действовать каждому чтецу по своему образцу. А для достижения этой цели нам представляется необходимым к переводимому на русский язык часослову приложить, вместо всей псалтири, — «особо избранные псалмы», как это, с благословения Священного Синода, неоднократно делалось еще в недавнее время в тех или иных потребных случаях (для больных, для воинов, в молитвословах для мирян, для общенародного пения и т. п.) и как это практиковалось отцами Церкви в глубокой христианской древности (см. историю 12 псалмов, сокращенной псалтири Блаж. Августина и т. п.), при чем в отношении некоторых псалмов следует допустить и сокращения «до полу» (как это по уставу делается с XXXIII псалмом на Всенощной) и «преступки» (как это по уставу практикуется в богослужебном Евангелии и богослужебном Апостоле).

Что же касается выбора псалмов для указанного «приложения к Часослову», то, по нашему мнению, следовало бы при этом руководиться, главным образом, двумя следующими принципами. Во-первых, по возможности, избегать тех псалмов, в которых слишком ярко очерчен древне-иудейский национализм, с своими, ничего не говорящим сейчас ни уму, ни сердцу верующего христианина, разными историко-археологическими именами, вроде: Ога, царя Ассанского и Сигона, царя Амморейского (134, 135) и разных Асуров, Аммонов, Эдомов, Моавов, Орифов, Зивов, Зевев, вроде «Офира с его золотом», «Мосоха» и селений Кидарских, пустыни Кадес, горы Цоар, долины Сокход, страны Галладской и мн. т. п., а также наименованиями Палестинской флоры и фауны, каковы, исопы, скимны, аспиды, василиски, левиафаны и т. п., чем несомненно, только затрудняется понимание псалмов и вразумительное чтение их. Во-вторых, по возможности необходимо избегать и тех псалмов (или определенных мест — стихов из них), в которых может быть от неудачного и учено-точного перевода, встречаются некоторые соблазнительные места, могущие в ушах и устах верующего христианина, отрешенного от условий времени и места написанных псалмов, показаться весьма странным и вызвать, по меньшей мере, недоумение, улыбки, шутки и насмешки, каковым чтением только нарушается серьезно-благоговейное настроение молящихся и подрывается уважение к самой псалтири. Таковы напр. избивание младенцев о камень (п. 136), сокрушение грешников по зубам, по ланитам и мышцам (пс. 3, 9, 36, 57) сокрушение зубов

с разбитием челюстей (пс. 57), забодание врагов рогами и поправление их ногами (пс. 43), история с орателям на хребте моем (пс. 28), с Моавом — умывальной чашей и наложением сапога на Идумею (пс. и 107), с вознесением рога праведных и слоением рога нечестивых (пс. 74), с выкатыванием глаз от жира (пс. 72), с выкидышем женщин (пс. 57) и др. т. п.¹⁾ Само собою понятно, что при определении состава предлагаемого «приложения избранных псалмов» к Часослову, все псалмы, вошедшие уже в Часослов, в соответствующих чинопоследованиях утрени, вечерни, повечерия и часов с изобразительными остаются на своих местах, и при употреблении некоторых из них, как напр. пс. III из Шестопсалмия ст. 8, может быть или сокращен «в полу», или заменен другими словами, образно выражающими ту же мысль.²⁾

По нашему примерному проекту, в состав указанного приложения «Избранных псалмов», следовало бы внести нижеследующие псалмы, перечисляемые нами в трех параллелях, в количестве не менее трех псалмов по каждой кафизме, в целях соблюдения общего порядка «Устава о чтении Псалтири во все лето» и с тремя «славами» на каждой кафизме³⁾.

	Избранные псалмы	Псалмы часослова	Остальные псалмы
I кафизма	1 и 8	3 по Шестопсалмию (с преступками или измен. ст. 10), 4 и 6 на Вел. повечерии 5 на 1-м часе.	2 и 7
II кафизма	11 и 14	12 на Вел. повечерии и 16 на 3 часе.	9, 10, 13 и 15
III кафизма	17 (1—7) 22 и 23	19 и 20 на утрени (с прест. или измен.).	18 и 21
IV кафизма	26 и 27	24 на 3 часе и 30 на Вел. повечерии.	25, 28, 29, 31, 34 и 35
V кафизма	32 и 36 (1—11)	33 на Литургии и на Всенощной.	34 и 35
VI кафизма	40, 41, 42, 45.	37 на Шестопсалмии.	38, 39, и 43 и 44
VII кафизма	46 и 52	50 на 5 часе, 53 и 45 на 6 часе.	47, 48, 49, 51
VIII кафизм.	56, 60 и 63	62 на Шестопсалмии.	55, 57, 58, 59 и 61
IX кафизма	64, 66, 67 (1—6)	69 на Вел. повечерии.	65 и 68
X кафизма	70 (1—14), 74, (с прест.) и 76 (1—15)	» » » »	71, 72, 73
XI кафизма	78 (1—9)	83 и 84 — на 9 часе.	77, 79, 80, 81 и 82
XII кафизма	88 (1—12)	85 — на 9 часе, 87 — на Шестопсалмии, 89 — на 1 часе и 90 на 6 часе.	86
XIII кафизм.	91, 92, 94, 95, 96.	100 и 1 часе (с изм. ст. 10).	93, 97, 98, 99,
XIV кафизм.	104 (1—7)	101 на Вел. повечерии. 102 на Шестопсалмии и 103 на Вечерни.	—
XV кафизм.	105 (1—10), 106 (8 изм. 21 дополу), и 107 (с пр. (8—10).	—	108
XVI кафизм.	111, 112, 114, 115, и 117 (1—15)	—	109, 110, 113 и 116
XVII кафизм.	118	—	—
XVIII кафизм.	120, 123, 127	129 — на Вечерни.	119, 120, 122, 124, 125, 126, 128, 130, 131, 132 и 133
XIX кафизм.	134 (1—7), 135 (1—9), 136 (1—6)	140 и 141 — на Вечерни и 142 — на Шестопсалмии.	137, 138, 139,
XX кафизма	144 и 146	145 на Литургии, 148 и 149 и 150 на Утрени.	143, 147, 151
Итого:	51 пс. (16 неполн.).	35 пс.	65 пс.

Но предлагая особое издание (самостоятельное или в приложении к Часослову), «Избранных псалмов», мы имеем в виду не только церковно-богослужебное употребление их, но и общенародное псалмопение во внебогослужебное время и в домашнем быту.

Протоиерей Евгений Запольский.

¹⁾ Само собою понятно, что здесь идет речь не об умалении Правосудия Божия, как это может некоторым показаться, но лишь о внешней форме выражения его, неприемлемой для современного слуха при церковно-богослужебном употреблении псалмов.

²⁾ Рекомендованное некоторыми установление параллельных псалмов в начале утрени едва ли удобно, ибо оно будет носить характер чего-то временного с оставлением царских псалмов как бы на всякий случай. Необходимо заменить их сразу или другими псалмами или обычным началом с избранными утренними молитвами.

³⁾ Считаем не лишним при этом в заголовках «Избранных псалмов» особым подписанием отметить и содержание их, как это делается в немецком издании библии и как это практиковалось во многих изданиях наших молитвословов.

Первые страницы обновления

Наступил 1921 год. Этот год принес стране нашей такой голод, какого еще не было в нашей земле. 36 миллионов голодающих безисходно бились в сетях неминуемой голодной смерти, 13 миллионов не могли уже встать с смертного ложа. Республика СССР напрягла все свои силы на ликвидацию голода, средств не хватало на это. СССР, мобилизуя все возможное на борьбу с голодом, издал декрет об изъятии церковных ценностей на голодающих. В русской истории это не первый случай, что гражданская власть прибегала к церковным сокровищам на государственные нужды. Так было при Петре I и Екатерине II и др. В то время распоряжение гражданской власти было исполнено в точности, без всякого прекословия. Тем более, повидимому, патриарху должно было привести в исполнение декрет Советской власти об изъятии церковных ценностей на голодающих: ведь в СССР нет частной собственности, все, в том числе и храмы с их сокровищами, составляют достояние государства. Не то получилось в действительности. Патриарх Тихон не усумнился, вопреки учению Христа и святой Церкви Православной, предать анафеме и власть Советскую, и всех отдающих церковные ценности на голодающих, согласно декрета этой власти. Жуткое настало время. Голод всего сильнее проявился в пределах Саратовской губернии и Новоузенского уезда, Самарской губернии, примыкающего к Саратову. Здесь были ужасы голода невообразимые: не было ничего растительного для пищи умирающих с голоду людей, питались калом людей и животных, нельзя было зарыть покойника и не охранять его могилы, иначе могилу разрывали и ели труп; мать ела своего ребенка. Одна мать с своею 17-летней дочерью две недели подсматривала за своею 7½-летней дочерью, выжидая удобное время для ее умерщвления; когда нашелся, наконец, такой момент, мать собственноручно вонзила в горло своей безмятежно спящей дочери нож, перевернула этот нож и видела предсмертные конвульсии своей умирающей дочери. Труп ее она положила в шкаф, каждый день отрезывала часть этого трупа и ела вместе с своей взрослой дочерью. В одном селе Новоузенского уезда с'еден был живым даже врач, имевший неосторожность пойти к больному в ночное время. Духовенство Саратовское особенно ясно видело все ужасы голода.

И вот, однажды к Саратовскому Епископу Досифею явился корреспондент местной газеты и спрашивал его мнения об изъятии церковных ценностей на голодающих. Епископ высказал, что изъятие ценностей допустимо. В таком же смысле, и даже более решительно и энергично, высказался и Кафедральный Протоиерей. Николай Русанов. На следующее утро саратовские жители читали в своей газете об интервью с Епископом и Кафедральным Протоиереем. Это интервью было перепечатано в «Известиях ВЦИК'а», и во всех газетах СССР. С благословения Епископа Досифея и с согласия председателя Губисполкома, о. Русанов пригласил в сотрудники себе протоиерея Саратовской кладбищенской Церкви о. Сергия Ледовского и десять крестьян из тех сел, где были особо выдающиеся ужасы голода и его последствий, вроде с'едения матерью ребенка, и выехал из Саратова. Приехавшим предложено было с следующего же дня приступать к работе по изъятию церковных ценностей на голодающих. Но Русанов и его сотрудники высказались, что они могут приступить к этой работе лишь после благословения Патриарха Тихона и после того, как будет в «Известиях ВЦИК'а» помещено их воззвание, которое они составили на пути в Москву. Вот текст этого воззвания: (31 марта 1922 года № 73-й, стр. 2).

ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ГОЛОДАЮЩИМ.

«Возлюбленные братья и сестры! Тяжелое испытание послано нам Всемогущим. Голод свирепствует в стране. Миллионы людей на границе смерти. Голодные в борьбе за жизнь не только питаются трупами павших животных, они едят человеческие трупы. Что же мы сделали для их спасения? Можем-ли мы спокойно есть, работать, молиться, когда призраки голода, умирающие дети и взрослые неотразимо стоят пред нашим внутренним взором. Все ли мы дали голодному, что в наших силах? Все-ли средства исчерпаны для спасения погибших — христиане? Именем Бога живого умоляем Вас: откликнитесь, откройте сердце ваше страждущему брату вашему, подайте ему руку помощи! Мир — тлен и суeta. Все перейдет, только добрые дела не перейдут и будут свидетельствовать о вас. Отриньте взор ваш от земного соблазна, вспомните жизнь первых христианских веков, и сердца ваше откроется, и легко и радостно будет ваше давание. Жертвуйте, христиане, все, что можете! Жертвуйте серебро, золото, деньги! Что все это для жизни вечной! Сохранит их человек и потеряет душу.

Христиане! много в наших храмах серебряных и других драгоценностей. Они созданы, благодаря попечению верующих, радеющих о благолепии храма. Но нужно-ли это благолепие, если совесть не спокойна, если душа мятется? А как может быть она спокойна, когда за эти драгоценности можно спасти сотни, тысячи наших несчастных братьев? Вот как учит нас о сем Бог-Учитель Иисус Христос: «Милости хочу, а не жертвы». Но еще решительнее говорят о сем отцы и учителя Христовой Церкви. Св. Амвросий Медиоланский пишет: «гораздо полезнее приобретать Господу души, нежели сохранять золото». Церковь владеет золотом не для того, чтобы хранить его, а чтобы издерживать и помогать им в нуждах. Если бы Господь спросил нас: почему ты допустил столь многих бедных умереть с голода? Неужели не лучше было бы, если бы сохранить живыми людей, нежели сберечь металлические сосуды? Что мог бы ответить Господь? Может быть следующее: «я боялся лишить храм необходимых украшений». Но Господь сказал бы: «Таинства не нуждаются ни в каком золоте и совершаются не ради золота, как и не покупаются за золото» (см.: «В защиту храма веры». Протоиерей Петропалов ст. 330). Святой Златоуст не усумнился укорить в заблуждении тех, которые, думая, что жертва храму самое благое и приятное Богу дело, забывали о бедных и не радели об удовлетворении их нужд: «Спасение еще не приобретается тем, если Церкви отдавали золотой сосуд, украшенный драгоценными камнями, церковь не мастерская золотых и серебряных вещей. Что пользы, если трапеза престола полна золотых сосудов? Сам Христос (в лице бедных) томится голодом. Сперва напитай Его алчущаго, а потом остальное употреби на украшение Его трапезы». А Святой Акакий, Епископ Амнадийский, — желая дать свободу пленным, из коих многим угрожала голодная смерть, обратился к своему клиру с такою речью: «наш Бог не нуждается ни в блюдах, ни в бокалах, так как не ест и не пьет и вообще не имеет нужды ни в чем. Для чего же у нас многие серебряные сосуды? Хорошо было бы продать их, выкупить на них пленных и накормить их! (см. Исторический очерк благотворительности у Горна 330—331)». Так было и поступлено: пленные были выкуплены и с необходимым запасом провианта отправлены на родину.

Видите, возлюбленные братья, как поступали Великие Учителя Церкви Христовой! Для снабжения погибших от голода, они не щадили даже таких драгоценных предметов, как, напр., сосуды церковные. В этих случаях они строго следовали учению Господа Христа, который говорит, что душа человеческая несравненно дороже всех богатств всего скоропреходящего мира. Пойдем по стопам сих учителей и мы, носящие на себе имя Христово, откликнемся на стоны наших умирающих от голода братьев, отдав для спасения их все излишние драгоценности и украшения наших храмов. И тогда наши храмы будут озаряться не блеском земных, ласкающих лишь чувственный взор наш, украшений, а блеском вечно сияющих добродетелей христианских: любви, милосердия и сострадания к погибшим нашим о Господе братьям и сестрам. Да будет так!».

Москва с жадностью набросилась на воззвание, читала и перечитывала его.

В 10 часов утра, на следующий после приезда день, Русанов и его сотрудники были приняты, вне очереди, Патриархом Тихоном в том помещении, где в настоящее время происходят заседания Священного Синода.

Патриарх Тихон встретил о. Русанова и его сотрудников очень любезно. Прежде всего он сообщил, что уже прочитал их воззвание в «Известиях ВЦИК'а», благословил каждого, посадил около себя и выразил удивление: «как это провинциальные батюшки пошли против своего Патриарха».

Они сказали Патриарху, что никогда не шли и не пойдут против своего Высшего Церковного Начальства—Патриарха, но что они не могут идти против Господа и Святой Церкви, заповедающей нам любовь к ближнему до положения своей жизни. Привели учение Христа, Святых Апостолов, Святых Отцов и их примеры. Рассказали они насколько могли, подробно Патриарху, об ужасах голода, совершившихся на их глазах.

Сильно задумался Патриарх, склонив низко свою голову. Он благословил их на работу, на которую их пригласили в Москву,— по изъятию церковных ценностей на голодающих, проводил до выходной двери и высказал им лучшие пожелания.

Излишняя доверчивость патриарха Тихона погубила его и все церковное дело. Еще в Ярославле у Патриарха был доверенный служака Яков, который страшно злоупотреблял его доверием. В Москве он подпал под неограниченное влияние Протоиерея Цветкова, крайнего черносотенца, и не читая, — как сам потом

публично сказал,—подписал воззвание об изъятии церковных ценностей, преподнесенное Патриарху Тихону протоиереем Цветковым. Познакомившись доподлинно и подробно с этим вопросом от о. Русанова и его сотрудников, Патриарх как бы сознал свою роковую ошибку. Но уже было поздно. — Подробное же потом повторилось с Петром Крутицким. Этот человек, ничего общего не имеющий с искренним религиозным чувством, успел подслужиться к Патриарху, войти в его доверие и наделать великое зло для Православной Церкви.

Получив благословение патриарха Тихона, о. Русанов и его сотрудники энергично начали свою работу. Где-либо, на театральных подмостках, или около рабочих станков, и в других, удобных для этого, местах открывался доклад об изъятии церковных ценностей на голодающих, нередко сопровождающийся картинками волшебного фонаря. С необыкновенным вниманием, полнейшей тишиной и почти всегда со слезами выслушивались доклады, точнее сказать беседы, о.о. протоиереев. Выносилась единогласная резолюция: оставить всякое сопротивление изъятию церковных ценностей на голодающих и других располагать к этому изъятию. Протоиереям Русанову и Ледовскому часто приходилось выезжать несколько раз в день в разные концы Москвы. Уже не одну неделю шла хотя очень трудная, но энергичная идейная работа протоиереев, а иногда и их сотрудников крестьян. Были устроены в разных частях Москвы многолюдные собрания духовенства и верующих с докладами по «изъятию церковных ценностей на голодающих». На этих собраниях, даже в таких местностях, как Замоскворечье, все духовенство и народ единогласно высказались, что изъятие ценностей церковных на голодающих не только дозволительно, но необходимо с церковной точки зрения. Иногда выступали ораторы в этом смысле и престарелые глубокие старики — священнослужители московские. О. Русанов имел возможность во время своего пребывания в Москве убедиться, что изъятые церковные ценности действительно пошли на голодающих.

Здесь о. Русанов неоднократно посетил квартиру о. Введенского, более или менее основательно познакомился с ним и его домашней семейной обстановкой и с радостью убедился, что имеет дело с образованнейшим философом, просвещеннейшим пастырем церкви, идейным, убежденным работником прогресса церковного. Богослужение о. Введенского, совершаемого с необыкновенным молитвенным одушевлением, его молитвенные подвиги на пользу верующего населения Ленинграда и его неподражаемое красноречие церковное привело о. Русанова в восторг, и он загорелся непреклонным желанием увести о. Александра в Москву.

На другой день их приезда, в органе местного Губисполкома было помещено воззвание об изъятии церковных ценностей на голодающих. Доклады о. Русанова с сотрудниками в самом обширном Ленинградском зале «филармонии» покрыли крышу нового здания, прекрасного и грандиозного, которое выстроили ленинградские прогрессивные священники. Несмотря на то, что входные билеты в «филармонию» стоили дорого, погода была сырая, желающих быть на докладах было необыкновенно много; добрую половину всех желающих не пришлось впустить. Доклады с прениями продолжались от 7 часов вечера до 1 часу ночи. В прениях принимали участие профессоры, публицисты, простые граждане, духовенство, среди которого своим красноречием и глубоким пониманием всего происходящего отличался священник о. Александр Введенский, теперь митрополит Александр-благовестник. Воодушевление и подъем настроения были необыкновенные. Уже был час ночи, когда с неохотой публика должна была покидать зал, приковавший все ее внимание и интерес.

Пробыв около двух недель в Ленинграде, о. Русанов и его сотрудники должны были возвратиться в Москву. То было в субботу на Фоминой неделе.

С'езд 1922 года единогласно избрал о. Русанова епископом Казанским. Когда с'езд раз'ехался, Красницкий, вопреки своему обещанию пред с'ездом, предложил о. Русанову занять место епископа в Москве. О. Русанов от этого отказался. Только в 1926 году он получил от первоиерарха митрополита Вениамина хиротонию во епископа Рыбинской автономной общины. А оттуда, по единогласному избранию пленума, в 1927 году перемещен во епископа Острогжского.

С домашним арестом патриарха, а затем с арестом всего Патриаршего Синода, наступило жуткое время для церкви русской. В это время в Москве сосредоточилось 7 протоиереев и священников. Это были три представителя от Ленинграда — священники: Александр Введенский, Красницкий и Белков, два священника, в том числе Калиновский, — от Москвы и два протоиерея: Русанов и Ледовский — от Саратова. Чувствуя свою каноническую некомпетентность взять управление всею церковью русскою, эти священники с разрешения Советской власти, посетили патриарха Тихона для получения от него благословения

и руководства, как следует поступить при создавшемся положении церкви. То были: о. Введенский, о. Красницкий и с. Белков. Когда патриарх узнал, что дело идет о заместителе его ввиду того, что он лишен возможности непосредственно управлять церковью, он сделался веселым и сказал, что он никогда не дорожил и не дорожит своею властью. Ему предложено было сделать своими заместителями единственных, находящихся в Москве, архиепископов: Антонина и Леониды. Он на это не согласился, а предложил вместо себя управлять церковью митрополиту ленинградскому Вениамину или митрополиту Ярославскому Агафангелу. Когда на это последовало согласие представителей духовенства, патриарх написал особую грамоту, подписался под нею; приложил печать; подлинность грамоты засвидетельствовали уполномоченные от семерки. Эта грамота в свое время была напечатана ко всеобщему сведению, а потому ее тут не приводим. Немедленно по телефону снеслись с Ленинградом. Оказалось, что Вениамин, митрополит ленинградский, как находящийся под арестом, не может прибыть в Москву. Отправился в Ярославль о. Красницкий, для приглашения митрополита Агафангела принять на себя, согласно распоряжения патриарха, управление всею церковью. Митрополиту Агафангелу сказано было, что положение церкви критическое, что необходимо для церковной жизни высший иерарх, что патриарх предписывает ему, митрополиту Агафангелу, занять для пользы Церкви этот пост, что его ждет, с нетерпением ждет вся Православная Церковь, вся беспрекословно подчинится ему, и настанет мирная церковная жизнь. Иначе может быть крайне печальное и опасное положение для Церкви. Митрополиту Агафангелу предложено было немедленно же ехать в Москву для управления Церковью, но Митрополит Агафангел грубо отверг все предложения, даже не постеснялся оскорбить о. Красницкого. Ни с чем о. Красницкий возвратился в Москву. Положение Церкви требовало немедленных мероприятий для упорядочения церковных дел: в церкви не было высшей иерархии, без которой останавливалось все течение церковной жизни. Семерка хотела взять указание от Патриарха, но к нему не допускали. Написано было Патриарху известное, напечатанное в духовных журналах, ходатайство, после которого, с благословения Патриарха, было учреждено Высшее Церковное Управление.

Дальнейшая история церковной жизни русской, вплоть до учреждения Священного Синода известна, а потому нам остается сообщить только то, что из этого периода или совсем неизвестно, или мало известно читателям духовных журналов и статей.

В семерке все шло стройно и благополучно, пока не выступил с своими личными интересами Красницкий. Идейным главою нашей группы и всего возбужденного нами движения церковного, освобождающего церковь от оков контр-революции, фарисейства и множества наслоений, ничего общего не имеющих с подлинным учением Церкви Христовой,—должен был быть, по мнению о. Русанова и других членов семерки, священник Александр Введенский, теперь Митрополит Благовестник. Это, конечно, сознавал Красницкий; сознавал он и то, что ни Русанов, ни Введенский не преследуют своих личных целей и не ищут господства в Церкви, это для них совсем не важно; между тем Красницкий жил желанием взять всю Церковь в свои руки и повести ее своим путем, который в полноте и во всех деталях не могли разделять ни Введенский, ни Русанов, а потому Красницкий начал всемерно домогаться господственного положения в новой ориентации церковной. Много вреда принес Красницкий только что начинающемуся освежающему, оживляющему течению церковной жизни. Им усиленно пропагандируемая и властно распространяемая «Живая Церковь» имела свои крупные дефекты и в сущности была слепым орудием всевластия Красницкого. О. Русанов, совершенно изможденный своею тяжелою деятельностью, вынужден был удалиться в Саратов. О. Введенского Красницкий постарался удалить от дел оскорбительным для идейного работника способом; Введенский должен был удалиться в Ленинград; здесь он, как талантливый и идейный деятель начинающегося направления, основал свое направление и везде приобрел себе сторонников. Направление о. Введенского было могущественным толчком и приготовлением к обновлению и учреждения Священного Синода. Наряду с о. Введенским был удален от дел Митрополит Антонин. Этот Митрополит, как человек высокообразованный, талантливый, энергичный, мог быть очень полезен зарождающемуся течению церковному. Бывало, приходишь к богослужению Митрополита Антонина, увидишь какую-либо новинку, которую или рано, или совсем не следует вводить; после службы зайдешь к нему и в дружеской беседе скажешь ему попросту: «Владыко, зачем вы это делаете? подождите, не нужно». Смотришь, на следующий раз новинка отброшена. Митрополит Антонин был очень внимателен к указаниям семерки, солидарен с нею. И вот на с'езде 1922 года Красницкий публично грубо выгнал Антонина с с'езда, в сущности за то, что Антонин умнее Красниц-

кого и мог быть влиятельнее. С крайним неудовольствием оставил Антонин зал с'езда, с этого времени отделился от Церкви и повел свою самостоятельную линию, причинившую Церкви громадный вред. Когда церковный голос совершенно удалил Красницкого с его детищем «Живою Церковью», все ревнители подлинного прогресса церковного вздохнули облегченно, когда наконец, был учрежден Священный Синод Св. Церкви Богохранимой страны нашей. Красницкий со своею «Живою Церковью», с Епископом Иоанном, рабом Красницкого, заняли церковь Св. князя Владимира в Ленинграде. Все попытки Красницкого воскресить «Живую Церковь» остаются гласом вопиющего в пустыне. Антониновщина, с ее причудами и всевозможными отступлениями от строя, порядка и даже учения Православной Церкви, со смертью Антонина отошла в область предания. Наряду с этим и семерка распалась: Ледовский отошел к старой Церкви, приведенный в полное смущение нововведениями «Живой Церкви» Красницкого. Белков отошел от православия, попробовав основать своеобразную общину и не успев ничего сделать, Калиновский отрекся от Бога и ездит со со своими безбожными лекциями по СССР. Только Митрополит Александр и Епископ Николай остались и навсегда останутся верными, убежденными сторонниками обновления и Священного Синода. С момента появления обновления и учреждения Священного Синода никогда они не изменяли Священному Синоду, единственно правильному органу Управления Единой Святой Соборной Апостольской Церкви Русской. Святейшие Патриархи Восточные с Священным Синодом сносятся, благословляют его, приветствуют, как дорогого, родного собрата. Следует только прочитать грамоты Святейших Патриархов Восточных, чтобы окончательно и бесповоротно убедиться в том, что Синодальная Церковь — Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь Христова. Особенно многократно и с особою братскою любовью Святейшие Патриархи Вселенские обращаются к Первоиерарху Священного Синода Митрополиту Вениамину. Да как и не любить этого священнолепного глубокого старца, уже тридцать лет состоящего в Архиерейском сане, исполненного любви Христовой, приветливого, доступного всем, благостного. Богослужение его отличается особым благолепием и красотой, слова его растворены отеческою любовью, задушевностью, простотою Апостольскою и благодатною помазанностью. Мы никогда не забудем того впечатления, которое произведено было приездом Высокопреосвященного Вениамина в Псков. Обширнейший собор битком был наполнен молящимися, весь город был налицо. Все ликовали, от души молились. Когда Еладыка пошел обозревать Святыни Пскова, за ним потянулись все, как за дорогим Отцом и Архипастырем. Все с любовью и какою-то детской радостью всюду следовали за дорогим Архипасты-

рем. Кроме Первоиерарха, Священный Синод украшают и такие Архипастыри, как Митрополиты Александр и Петр. Во всей богохранимой стране нашей нет такого оратора и благовестника, как Митрополит Александр. Его высокое образование, его глубокое знакомство с мировою философиею, его необыкновенное красноречие, единственное, несравненное, его религиозность, очищенная от всех условностей и предрассудков,—все это делает его достойным почитания и любви. Митрополит Петр своею обаятельною личностью, умом, даром действовать на сердца людей, простою задушевною речью доступною всем и влекущею ко Христу и Его Церкви очаровывает всякого слушателя. Это великий дар Господа для Священного Синода и Церкви Синодальной. Это, по меткому выражению Митрополита Александра,—корифей обновленчества и Синодальной Церкви. В Острогжске до сих пор верующие не могут забыть вдохновенной, всех тронувшей и умилившей, лекции Митрополита Петра в одном из общественных зданий. Лекция эта привлекла громадное количество слушателей. Духовенство города Острогжска и его уезда, а также верующие жаждали бы снова услышать слово Высокочтимого Митрополита Петра. А если взять Пленум Священного Синода, то Священный Синод стоит гораздо выше прежнего Святейшего Синода. Это тем более дорого для каждого ищущего спасения, что Синодальная Церковь не допускает никакой ереси, нарушения догматов. В этой церкви нет никаких раскольнических или сектантских разделений. Нет в ней перерыва благодати священства и захвата власти, она исполнена благодати, истины и любви. Это, по своей сущности, Церковь первых веков христианства. Для Церкви нашей Богохранимой это тот ковчег, который во время потопа спас человечество. Кто искренно ищет истины, любви Христовой и спасения, необходимо должен признать это.

В заключение своего краткого очерка считаем нужным сказать следующее: к нам доходят и доходили просьбы написать первоначальную историю обновленчества. Идя навстречу этим многочисленным запросам, мы наконец получили возможность и решились восполнить этот пробел в истории обновленчества и печатаем на страницах «Вестника Священного Синода» настоящую правдивую, фактически верную, статью. Заранее просим снисхождения к этому нашему труду слабому, но исходящему от искреннего желания сказать сущую правду по столь дорогому для нас вопросу.

Епископ Николай (Русанов).

Острогжск, Воронежской губ.,
Пролетарская ул., д. 57,

4 апреля 1928 г.